

Дмитрий Вартаманов

Ради
ВАШЕГО
Христа

О людях и не только

О людях и не только...

Дмитрий Вартанов
Ради вашего Христа

«Автор»

2026

Вартанов Д.

Ради вашего Христа / Д. Вартанов — «Автор», 2026 — (О людях и не только...)

Что жизнь моя?.. Как будто миру вызов...И человечье: быть или не быть?Не для меня! Я в вашем мире – призрак...Меня ведь нет, а значит, и не может быть...Я так хочу, чтобы не быть – «ничей».«Эй, Мурзик», – скажете... Услышу... Я Вам готов всю жизнь ловить мышей,За тёплую над головою крышу. Начните жизнь мою Вы с чистого листа...За миску молока я буду тих и ласков.Не оставляйте, ради Вашего Христа,Ведь я родился накануне Светлой Пасхи...

© Вартанов Д., 2026

© Автор, 2026

Дмитрий Вартанов Ради вашего Христа

Приди, Словие

Что жизнь моя?.. Как будто миру вызов...
И человечье: быть или не быть?
Не для меня! Я в вашем мире – призрак...
Меня ведь нет, а значит, и не может быть...

Я так хочу, чтобы не быть – «ничей».
«Эй, Мурзик», – скажете... услышу...
Я Вам готов всю жизнь ловить мышей,
За тёплую над головою крышу.

Начните жизнь мою Вы с чистого листа...
За миску молока я буду тих и ласков.
Не оставляйте, ради Вашего Христа,
Ведь я родился накануне Светлой Пасхи...

(Эти три четверостишия написаны по мотивам стихотворения моего Другища, Аркадия ЛЮБОРАЦКОГО, – «Котёнок»).

Любо, Брат, Любо! СпасиБо(з)

«Я родился...»

Однажды, на Луне родился необычный малыш.
– Я родился! – сказал... сказал котёнок.
Как известно, все котики рождаются на Луне (ведь все усатые царпки – лунные коты),
и уже с неё их тёплые тела и пушистые души попадают к нам, на Землю.

И случилось так, что полосатый ушастик попал... попал в подвал, где нашёл много
НОВЫХ...

– Привет! – сказал котёнок.

А вот что произошло дальше, мы с вами сейчас и узнаем...

Мама

Темно... Нет, не совсем... Где-то из угла, сверху просачиваются проблески света. Они совсем маленькие и слабенькие, такие же, как и мы, а потому тьма подвала поглощает их и нас, словно голодная чёрная клякса. Но моим глазкам хватает и этих проблесков, ведь я, как мой братик и две сестрички, – котик. Мы, котики, можем видеть почти в полной темноте... почти...

Пахнет сыростью, маминым тёплым животиком и молочком. С мамой тепло, когда она с нами. Но бывает, что она уходит, и тогда мы собираемся в комочек и греем друг друга. И ещё мы тогда зовём маму. Наши голоски, слабые и тоненькие, едва слышные. Но мы знаем, что мама нас всегда слышит, ведь она наша мама...

Я не знаю, что такое время... день, ночь. Здесь всегда – подвал, подвал для меня – это и есть время, оно замершее, постоянное и тёмное. О другом, взаправдашнем времени я узнал только тогда, когда впервые выбрался на свет... но это будет чуть позже. А пока я, мы, мы просто живём и ждём маму; она приходит, мы греемся и сосём её вкусное молочко. Вот только с каждым разом его всё меньше и меньше...

Как-то мама ушла и не пришла... Мы её звали, мяукали. Только пока у нас не получается мяукать, мы лишь тихо попискиваем. Темнота подвала съедает наш писк. Она вообще всё съедает: свет, тепло и все наши звуки. Правда, когда мы прижимаемся друг к дружке, то слышим, как бьются наши сердечки: «тук-тук-тук-тук-тук...». У мамы сердце громко стучит... стучало, и ещё она мурлыкала, когда нас кормила и умывала. Теперь мы слушаем только себя, подвал и темноту...

И вот мы лежали и попискивали... не знаю, как долго, я же не знаю, что такое «долго» и что такое «время»... Мы очень проголодались, это, наверное, к нам пришли «долго» и «время». И один братик – он самый большой из нас и самый шустрый – вдруг пополз в ту сторону, куда всегда уходила мама и откуда возвращалась. Мы сначала не знали, что делать, но потом всё же решились отправиться за шустриком.

Свет

Я полз вторым, ведь я же мальчик, девчонки за мной. Вот шустрик, зацепившись коготками, полез куда-то наверх и пропал... Я нерешительно притормозил, оглянулся на «тыл»... застыдился и зацепился, как братик, за шершавую стену, подтянулся и... выпал... на Солнце...

Нет, конечно же, я пока не знаю, что такое Солнце, не ведаю про Луну; и уж тем более мне неизвестно, что эта самая Луна – родина всех котов и кошек.

И вот я выпал и ослеп... ну, как тогда... при рождении. Только тогда слепота была чёрная, а теперь она... белая и яркая! Солнце, оно и для котиков – Солнце, ослепительное и тёплое.

Мои глазки постепенно привыкали к белой слепоте. Сквозь неё стали вырисовываться...

Они

Мир – ОГРОМЕННЫЙ!!! Оказывается, в нём светло, и нет стен... нет верха... какая-то синева с белыми пушистикami... Мир ошеломил и поглотил моё маленькое полосатенькое тельце. Звуки с грохотом придавили к... земле, мягкой, сухой и тёплой. Под лапками толи колетса, толи пушистится что-то зелёное. Из земли к небу уходят какие-то высокие, лохматые существа, они покачиваются и шуршат, но не передвигаются. Окошко, из которого мы вывалились, спряталось в самом низу большой серой коробки.

И запахи... они другие, не как в подвале. Ароматы красивеньких «звёздочек», поднимающихся из того, что колетса и пушистится под лапками; то, что пушистится, тоже пахнет... Из большой дыры серой коробки – я выбрался из маленькой, чёрненькой дырочки – выплывают вкусные запахи, так что в животике заурчало... Мы очень хотим кушать, ведь мамы давно с нами нет...

Я вижу шустрика, он карабкается через маленькую стенку; вот ему удалось перебраться через неё, он упал на какую-то серую гладь... Сестрички поползли зачем-то в другую сторону... Я не знал за кем двигаться, и просто замер на травке – я потом узнал, что это травка.

И тут появились «они» – великаны. Они, и вправду, были огромными, на двух колоннах и уходили высоко-высоко, прямо в небо...

Давайте, я сразу стану называть вещи и предметы (которые в тот момент не знал, но постепенно узнавал) человеческими названиями и именами.

Да, потом-то я узнал про деревья и цветы, небо и землю, день и ночь, солнце и луну, дождь и град. Про всё, что знают «они» – боги, боги – потому что всё могут. Могут пнуть – это очень больно; заорать и замахнуться – это очень страшно; мять и таскать за шкуру, хвост, как неживую куклу, – это очень обидно; швырнуть со всего размаха в лужу – это очень больно, страшно и обидно. А ещё они могут дать тёплое молочко, вкусную рыбку, маленькие

хрустящие или мягкие вкусняшки; ласково почесать и погладить; нежно поцеловать в носик... Они всё могут, потому что они – боги.

То, что «они» – боги, я понял не сразу. Я сразу только испугался и сначала прижался к земле, а потом попробовал уползти в чёрную дырочку, из которой вылез, но не успел... Я взлетел высоко-высоко... Стало так страшно, что я задрожал и описался... и задохнулся, сжатый в огромную... клешню... Попробовал мяукнуть, как мама, но лишь еле слышно пискнул и повис...

Боги

– Смотри, кошара! – девятилетний белобрысый Витька подбежал и схватил малюсенького серенького котёнка, пытавшегося укрыться в травке, за тоненькую шейку и поднял над головой. – Пацаны, зырьте, какой доходяга. Ещё и пищит чё-то.

– Да, сдался он тебе, – с усмешкой бросил более старший мальчик и, отвернувшись, сел на лавку у подъезда.

– Лёнь, а давай, ему банку за хвост привяжем. Помнишь, как рыжему Ваське нацепили жестянку? Так, он по двору гонял с таким грохотом, а мы ржали...

– Сравнил, тоже, – к Витьке подошёл кудрявый ровесник Санька, посмотрел с прищуром на болтающегося, как тряпочка, серого усатика и серьёзно добавил: – Васька – кот взрослый, матёрый, он эту банку через пару минут так размотал, что она в окно тётке Шуре брякнулась. Она ж нам тогда чуть уши не пообрывала... А этот доходяга чуть дышит, ему ж, наверняка, и месяца нет. Сдался он тебе. Отпусти, а то придушишь чего доброго...

– Чё это, придушу... Их кошка и не так таскает, – с этими словами Витёк другой рукой прихватил двумя пальцами за шкуру открывающего беззвучно ротик, беспомощно болтающегося существа и доказательно объявил: – Видишь, и ничего с ним не случилось.

Врядом обустроенной песочнице две девчушки лепили из песка крендельки и печенки. Громкий, задорный голос Витеньки привлёк их внимание. Они тотчас встали, отряхнули ладошки и деловито двинулись к трём пацанчикам. Девочкам было не больше шести лет. Но та, что была с двумя большими розовыми бантами и в комбезе, едва подойдя, упёрла руки в боки и строгим голосом, не терпящим возражений, громко заявила:

– Отпусти сейчас же этого котёночка! Если ты, Витька, не положишь его на травку, я пойду к твоей мамке и расскажу, как вы с Санькой вчера сорвали цветы с клумбы... А неделю назад после дождя бросали грязью в окна... А месяц назад...

– Всё, Дашка, всё, отвали! Вот твой блохастый, – Витька быстро опустил трясущийся серо-полосатый комочек и пошёл к приятелям, но через плечо бросил: – Только попробуй наябедничать! Я ваши куличики все разломаю...

– А я тогда расскажу всем, что ты в Катюку из пятой квартиры влюбился и жениться на ней хочешь!

– Что, правда?! – старший пацан Лёнька задорно подхватил эту сногсшибательную новость и, указав на окно пятой квартиры, вопросительно добавил: – А Катюха знает?

– Да, иди ты! – обиделся Витя-жених и, отвернувшись, насуплено добавил: – Эти девчонки вечно придумывают. А ты им поверил...

Серый котёнок, тем временем, оклемался и, шустро перебирая лапками, пустился вслед за двумя сестричками, ведь им нужна была защита. И он вовремя их нагнал в соседней клумбе. Маленькая чёрненькая дворовая собачёнка Муська, свернув в бублик хвостик, подбежала к усатой троице и задорно, но с опаской залилась колокольчиковым лаем.

– Муся, ты на кого там нападаешь? – это одна из старушек, сидящих на лавочке, поправив очки, обратилась к дворняжке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.